

<Предисловие к книге Бунина "О Чехове">

Издательство имени Чехова, Нью-Йорк, 1955

Scan [ImWerden](#)

OCR Ловецкая Т. Ю.

В их пути к славе было немало общего. Литературная судьба обоих была на редкость счастлива.

Чехов был внуком крепостного крестьянина, родился в бедности, в глухой провинции, в мало образованной семье. Это могло предвещать трудную, медленную дорогу к успеху. Вышло как раз обратное. Тяжело жилось лишь в первые годы. Скоро открылись перед ним лучшие журналы России. Ему еще не было двадцати восьми лет, когда была поставлена его театральная пьеса "Иванов". В том же возрасте он получил Пушкинскую премию; сорока лет отроду стал академиком. Литературный заработок дал ему возможность очень недурно жить, содержать большую семью, купить имение, потом дачу в Крыму, путешествовать по Европе и Азии, подолгу жить в Ницце. Маркс приобрел собрание его сочинений за семьдесят пять тысяч золотых рублей. В западной Европе почти не было -- да и теперь почти нет -- писателей, которые проделали бы столь блестящую карьеру. Перед кем, например, из французских писателей так рано открывался доступ в Академию, в Com^{te} de l'Institut, кому из них издатели платили такие деньги?

Правда, м и р о в а я слава пришла лишь после его смерти. При жизни он был за границей мало известен. В одном из своих писем он отмечает -- очевидно, как "событие", -- что его перевели на датский язык, и забавно добавляет: "Теперь я спокоен за Данию". Помню, я мальчиком, на заграничном курорте, узнал о кончине Чехова из немецкой газеты: в Баденвейлере от чахотки скончался русский писатель Антон Чехов... Заметка была коротенькая, в пять-шесть строк, и вполне равнодушная (в России, напротив, было то, что можно было бы назвать -- и называлось -- взрывом национального горя).

Когда именно его открыли за границей? Алексей Толстой уверял меня, что это было в начале первой войны: "Тогда союзникам спешно понадобилась русская душа". Это неверно. Уже в 1909 году Арнольд Беннет писал в своем "Дневнике" (запись от 26-го февраля): "Все больше меня поражает Чехов, все больше склоняюсь к тому, чтобы писать много рассказов той же техники" ("in the same technique"). (Позднее, переезжая на другую квартиру, он записывает: "Купил другой экземпляр полного собрания Чехова. Не мог бы обойтись без него дольше"), В настоящее время в англо-саксонских странах Чехов признан мировым классиком. "Ничей актив не расценивается теперь так высоко лучшими критиками, как актив Чехова", -- говорит Сомерсет Моэм в предисловии к "Altogether", -- "Восхищаться им это признак хорошего вкуса... Не любить его значит объявить себя филистером".

Бунин принадлежал к старой разорившейся дворянской семье. В ранней молодости и он был очень беден, но у него тоже период нужды длился недолго. Первые же его рассказы были замечены знатоками {Письмо Д. В. Григоровича к молодому Чехову всем известно. Меньше знают то, что 24-летнему Бунину Н. К. Михайловский написал чрезвычайно лестное письмо, -- предсказывал, что из него выйдет большой писатель.}. Рано пришли Пушкинская премия, избрание в Академию, слава после "Деревни" и "Господина из Сан-Франциско". В отличие от Чехова он был признан миром при жизни, -- в 1933 году получил Нобелевскую премию. Прожил ее -- и опять пришла тяжелая нужда: в конце жизни как в ее начале. Чехов, к счастью для него, эмигрантом не был (а наверное стал бы им, если бы дожил до 1918-го года, и его замалчивали или громили бы в СССР те самые люди, которые теперь его там превозносят).

Очень они, как люди, были непохожи друг на друга. И все-таки что-то общее было, помимо огромного таланта. Оба были необыкновенно умны, оба обладали редким почти безошибочным вкусом; ценили они в литературе одно и то же, восторгались одним и тем же, не любили одно и то же. Оба боготворили Толстого и холодно (Иван Алексеевич и просто враждебно) относились к Достоевскому. Оба презирали то, что многие критики начала нашего столетия называли "декадентщиной", они сами "фокусничеством", а Толстой -- "пересоленной карикатурой на глупость".

Об их "credo" говорить трудно, -- не любили они пышных слов. Оба не очень интересовались философскими и религиозными вопросами и говорили о них редко (между собой, вероятно, не говорили никогда). Обоим были чужды люди такого умственного и душевного склада, как, например, Владимир Соловьев или С. Н. Трубецкой. Представить себе Чехова или Бунина на кафедре какого-либо философско-религиозного общества просто невозможно. Часто цитируют слова Чехова: "Мое святое святых это человеческое тело, здоровье, ум, талант, вдохновение, любовь и абсолютнейшая свобода". Не очень ясно, -- не поймешь например, что такое "абсолютнейшая свобода", но, если это -- "credo", то,